

С ПРАВОМ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА РЕПРЕССИРОВАННОГО
1934–1941

Юрий Григорьевич Марченко С правом переписки. Письма репрессированного. 1934—1941

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439915

ISBN 9785449386267

Аннотация

В книге представлены без изъятий 178 писем Е. П. Ганенко из административной ссылки и тюрьмы в Уральске, лагерей ГУЛАГа НКВД за 1934 – 1941 гг. Все рукописи оцифрованы, расшифрованы и снабжены примечаниями составителем Ю. Г. Марченко. В письмах имеется уникальная информация о быте репрессированных советской властью и условиях их существования.

Содержание

Предисловие составителя	5
Часть 1. Уральск, административная ссылка, 1934—1935 гг.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	30

С правом переписки
Письма репрессированного.
1934—1941

Составитель Юрий Григорьевич Марченко

ISBN 978-5-4493-8626-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие составителя

В семейном архиве сохранились письма Емельяна Петровича Ганенко из ссылки, тюрьмы и концлагерей.

Письма написаны на клочках бумаги, часто малоразборчивым почерком. Я их оцифровал, разобрал, снабдил примечаниями, и думаю, что они представляют исторический интерес не только для нашей семьи.

Письма не редактировались, представлены «как есть». По счастью, Е. П. Ганенко на каждом письме ставил место отправки и дату. В тех случаях, когда текст не удалось расшифровать, поставлена пометка (*нрзб*) – неразборчиво. Обычно это одно – два слова, не более.

В официальных, очень скудных, материалах имеются разночтения в дате рождения Емельяна Петровича, в сроках тюремного заключения, датах ухода в эмиграцию и пр., поэтому биографические сведения приходилось собирать буквально по крупицам.

В Приложении я поместил имеющуюся информацию о лицах, упоминаемых в письмах, на основе сведений из Википедии и других открытых источников. Исключение составляют только общеизвестные личности, такие как Ленин, Сталин, Маркс и др.

ГАНЕНКО Емельян Петрович, родился в 1880 году в г.

Ромны Полтавской губернии.

О его детстве и юности ничего не известно.

В 1898 г Емельян оказывается в Екатеринославе, где вместе с отцом подрабатывает случайными заработками и там же знакомится с марксистским кружком любимчика В. И. Ленина – Ивана Бабушкина.

Школу он не посещал, однако благодаря учителю Кременчугского училища Галацкому усвоил основы грамотности, всеобщей истории, истории французской революции, истории культуры и цивилизации и развития революционного движения в России от Пугачевщины до декабристов и Народной воли.

В 1899 – 1903 годах работал пропагандистом в кружках РСДРП в Екатеринославе, Кременчуге, Николаеве и Одессе. В 1903 году перешел к эсерам (партия социалистов-революционеров, С-Р). Емельян Петрович с самого начала принадлежал к радикальной левой ее части, к так называемой «боевой организации», руководимой агентом охраны Азефом и знаменитым Борисом Савинковым, в качестве боевого техника занимался изготовлением бомб для терактов.

За участие в революции 1905 года арестован и приговорен Военно-Окружным судом г. Одессы к 4 годам каторги с последующей ссылкой. Каторгу отбывал в Акатуйской каторжной тюрьме. В 1910 году вышел на поселение в Забайкальской области, но в том же году бежал из ссылки и некоторое время работал в подполье в Москве и Одессе. В кон-

це 1910 г отправлен из России в распоряжение заграничного бюро ЦК партии С-Р. После встречи в Вене с Б. Савинковым выехал в Париж, из Парижа командирован в Лондон к Чайковскому. С этого времени кочевал по заграничным портам, где были стоянки военных русских судов заграничного плавания, проводя агитацию среди матросов.

В начале 1912 г снова переехал в Париж. Здесь работал слесарем-механиком на различных заводах (Автомобильно-авиационные заводы Рено, завод механических автоматов, карандашная фабрика Фабера и др.), принимал участие в забастовочном движении французских рабочих, за что несколько раз арестовывался французскими властями.

В Париже женился на Марии Густавовне (Августовне) Александрей. Здесь у них родились три сына: Виктор, Константин и Алексей. После февральской революции 1917 года возвратился из эмиграции в Россию, пробыл несколько месяцев в Петрограде, и с мандатом ЦК партии эсеров в начале августа 1917 направлен для революционной работы на Украину, вначале в Харьков, потом в Полтаву. Чуть позже к нему присоединилась беременная Мария Густавовна с огромным скарбом и тремя детьми. В 1918 г был членом Полтавского губернского Военно-революционного комитета от левых эсеров, затем членом ЦИК Советской Украины до прихода немцев. В период немецкой оккупации с начала 1918 года является членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта Красной Армии. В этот период он был одним

из организаторов подавления левозсеровского мятежа Муравьева. В конце лета 1918 года направлен на организацию подпольной работы на территории, занятой восставшими чехословацкими частями. После ареста чехословаками, из-под которого ему удалось бежать, переходит на подпольную работу в Киев (оккупированный в то время немцами), где остается до освобождения г. Полтавы частями Красной Армии. В июле 1919 г назначается членом военно-революционного трибунала Полтавы.

В 1919 году посла вступления украинских левых Социалистов-революционеров в коммунистическую партию становится членом КП/б/У.

В течение последующих двух лет до 1921 г работал в г. Полтаве, занимая различные посты: председатель Губсобеза, Председатель Губнаробраза, Председатель ГубРКИ.

В результате знакомства в эти годы с Е. П. Ганенко у Антона Семеновича Макаренко родилась одна из самых ярких и симпатичных фигур «Педагогической поэмы» – образ Черненко, председателя РКИ.

В 1921 году направляется в Харьков, и работает в хозяйственных организациях: председателем правления Доброфлота, членом коллегии Наркомвнешторга, членом правления Донугля. В это же время является зам. председателя Всеукраинского Совета Общества Политкаторжан, членом редколлегии журнала «Пути революции».

В 1927 году исключен из партии за «бытовое разложе-

ние, выразившееся в систематическом пьянстве и неэтичных поступках в отношении некоторых ответственных работников». По воспоминаниям родственников, Емельян Петрович пил в кабаках, и, напившись, начинал прилюдно костить своих товарищей по партии. После этого был снят со всех должностей и работал слесарем-механиком на различных предприятиях Харькова.

По доносу руководителей Общества политкаторжан, в 1933 году был арестован и около года находился под следствием. Совместно с другими лицами, бывшими «красными партизанами», он шел по сфабрикованному УНКВД делу о «террористической контрреволюционной деятельности и подготовке восстания против Советской власти». Основу дела составляло эсеровско-троцкистское прошлое членов фиктивной группы «Союз красных партизан». Обвинение даже для тех лет было настолько нелепым, что приговор тройки ГПУ УССР оказался чрезвычайно мягким – всего лишь административная ссылка в Казахстан, г. Уральск на 3 года.

Абсурдность и фиктивность дела «красных партизан» была настолько очевидной, что к 1939 г. большинство из них освободили и полностью реабилитировали. Однако это не коснулось Е. П. Ганенко, так как в 1935 г он был снова арестован по другому делу, сфабрикованному уже Уральским НКВД за слишком острый язык и буйный характер, и провел два года в Уральской тюрьме. Осужден Верховным

судом СССР по ст.58—10, 58—11 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы (по другим данным – на 10 лет).

С 1937 по 1941 г Емельян Петрович провел в различных лагерях ГУЛАГА НКВД.

Умер в 1941 г в Ухте при невыясненных обстоятельствах.

В 1963 г реабилитирован Верховным судом СССР за отсутствием состава преступления.

Ю. Г. Марченко

Часть 1. Уральск, административная ссылка, 1934—1935 гг.

Уральск, 27.1.1934

Итак, дорогие мои, я утвердил свое знамя на земле Емельки Пугачева, прибыл сюда 26/1 благодаря попутчику, Алексею Георгиевичу, местному агроному, старожилу и уроженцу Казахстана, с которым я познакомился в пути из Саратова, и который на первое впечатление кажется очень порядочный человек, советский труженик типа Черепцова. Так думаю пока, какое мнение будет дальше, не знаю, да это не важно. Важно, что у него я получил в самый трудный момент приют и семейное радушное гостеприимство, которое особенно для меня ценно и важно после дорожных приключений, а приключения оказались для меня очень печальными.

Спокойствие, вооружите свое воображение юмором, а то мама потеряет сон и покой, а это будет очень скверно для нас всех.

Итак, начинаю.

1) От Харькова до Валуек я спал сном праведника, хотя вагон был пустой и холодный, т.е. без отопления. Но я не замерз и проснулся на подъезде к Валуйкам от громкой российской матерщины. Оказалось, что мой сосед по купе един-

ственный отморозил себе пальцы на ногах, на что проводник резонно по-русски отвечал «А чаво валенки не одел, а теперь ругается». Я же, хотя тоже был без валенок, молитвы харьковских святых сохранили меня на этот раз. Но, как видно, их молитвы имели силу только в пределах Украины, так как на дальнейшем пути посыпалось на меня, как из рога изобилия, 99 несчастий.

Отмечу главные 1) около станции Лиски при проверке билетов к моему литеру потребовали удостоверение, которое я и предъявил. Главный контролер, по прочтении моего волчьего билета, вошел в раж и, как видно, решил своеобразно нажать коммунистический багаж перед лицом немногих пассажиров военных, находившихся в вагоне. Первое, он заявил, что я как преступник перед Сов. Властью, не имею права ехать в воинском вагоне, и, так как в моем волчьем билете не указано, что я политический преступник, то он, и находящиеся в вагоне граждане, вправе считать меня вором и прочее прочее, и стал требовать перехода в другой вагон. Не желая обострять конфликт с форменным дегенератом железнодорожной касты, а ему на вид лет под 55, я для сохранения своих нервов изъявил согласие перейти в другой вагон при условии предоставления места. Тогда он, что поезд не плацкартный и что я должен ехать, как и все граждане, а если мне не нравится, то советская власть о таких, как я, позаботилась и оборудовала спец. вагоны. Короче говоря, после усиленных попыток с его стороны доказать, что он неисто-

вый тоже страж Диктатуры и какого-то класса, только, конечно, не трудящегося, после всего этого я назвал его просто и коротко Мерзавцем и отказался перейти в другой вагон. За меня вступились военные, ехавшие на Дальний Восток, и казалось, этим и кончится, так как этот идиот поспешно ушел. Но по приезде на станцию Лиски явился агент Гепеу и потребовал явиться к дежурному с вещами, что, конечно, пришлось исполнить. Приняли меня, конечно, не по-европейски. Это потому, что, как видно, наше *интурбюро* не включило станцию Лиски как российскую достопримечательность в свой маршрут для всех мастей Эрио и компани. Сразу было в нашем родном стиле предъявлено обвинение в контрагитации среди войск.

Черт возьми, обвинение не шуточное, хотя для меня привычное. Здесь я должен выразить большую признательность Гепеу УССР, благодаря тому, что их метод шитья мне дела оказался аналогичен, что мной и пережито на сей раз. Я отнесся довольно спокойно, что уже единожды такое же липовое обвинение имел, и в результате его меня отправили к черту на кулички, и что я не рекомендую отымать лавры победы у Гепеу УССР над таким преступником. Но мои советы, конечно, принципиально были игнорированы, и не знаю, чем вся эта глупая история кончилась, если бы в этом вагоне не ехали два сотрудника Челябинского или Курганского Гепеу, а так как мой увод из вагона у здравомыслящих людей, находившихся в вагоне при инциденте,

вся эта мерзость вызвала негодование, то эти ребята следом явились тоже в Гепеу и, после того как они осветили происшедшее, все было улажено, и я был водворен обратно чуть ли не на полном ходу поезда. Но не успел я успокоиться и рассеять горечь обид, наносимых последние годы мне, я обнаружил, что в момент этой суতোлки и волнений исчез один пакет с деньгами. Оказалось, что внизу пальто подкладка была не подшита, возможно, что там была маленькая дыра, два пакета своей тяжестью отверстие расширили и один меньший выпал. Проверив причину, оказалось, что нитки не-то гнилые не-то просто слабые, но, как только слегка потянешь, так и рвутся. Погоревав немного и вспомнив еврейскую молитву « Благодарю тебя, Боже, что ты сохранил мне голову и ноги, я накормить себя заставлю чужие руки». Мысленно прочитав поучительную молитву, я продолжал беспечно свой путь и так доехал до станции Ртищево, т.е. ст. пересадки, высадился, иду к багажному вагону, ищу его с целью получить багаж, оказалось, что нет багажного вагона, и багаж идет следующим поездом, что сразу испортило мне настроение. Как видно, я еще не потерял способности предчувствовать и не ошибся. По приезде в Саратов, т.е. к второй пересадке, должен был прождать сутки в Саратове. С вокзала гонят после 2-х часов. Я решил ночевать в гостинице, но оказалось, не так легко. Сутки пребывания в Саратове стоили мне тридцать рублей, но зато хорошо поспал, полный комфорт. На утро поднялся бодрым и даже веселым, и, так как

вещи оставил на хранение, то принужден был позавтракать в ресторане. При этом оказалось, что цены в Саратове харьковские, а некоторые предметы и дороже, но некоторые дешевле. Как то мука 60 р, пшено 60—70 р, масло слив 25—30, постное 15 литр. После завтрака пошел узнавать участь моего чемодана, и в результате объяснений и разъяснений я так пал духом, что умудрился потерять квитанцию на ручной багаж. Короче говоря, я попал в такой переplet, в котором, как говорят люди, «пошехонцы» бросаются с моста в воду. Вооружившись терпением, перестав думать о чемодане, пошел в камеру хранения выручать внутреннее и наружное мое благосостояние, но оказалось, что это не так легко, что потребуется написать пять заявлений, десять объявлений да пять резолюций, да ждать еще двое суток.

А на советские знаки пять червонцев с гаком, да потеря времени, да уральское Гепеу, так тебе и кричи караул!! Подумав немного, решил идти тем путем, каким веками ходил русский люд выручать своих коней. Нашел человечка, да и сторговался за 25 руб раздобыть мой багажник. Таким образом, Саратов мне обошелся кругом бегом 65 руб, и, если учесть, что мой чемодан получен будет в Уральске не раньше месяца, если ему суждено, что уральцы горьким опытом знают и в момент писания сего послания утвердительно качают головой, то будет без объяснений ясно, какое у меня настроение. Да если учесть, что у меня на сей день в кармане 165 руб денег чистоганом, а дней через 10 придется платить

за квартиру за три месяца, здесь такой порядок. Мне нашли сегодня мои друзья комнатуху на берегу Урала кубатура 3x3 теплая, а тепло здесь на вес золота. Скота нет, кизяка нет, а это был главный источник тепла, здесь дороговизна на продукты питания почти такая, как и у нас, но зато легко достать мясо хорошее 12 р кило, свинина 12—50 и 13, баранина 12—13, сало свиное 30, бар 10. Масло слив топлен 30—35 р. Хлеб по вольной цене 3 руб, хлеб хороший пшеничный, но в очередях доходит до драки, а очереди здесь так же, как и у нас даже за солью, но здесь говорят, что так стало полтора месяца, а до этого было хорошо: мясо 5 р, баран 6, свинья 6—7 р, масло 10—15, сало свин 12—15, бар жир 7—8, гов 6—50, молоко 3 р четверть.

Говорят, что первый месяц весны будет очень тяжелым, здесь начал свирепствовать сыпняк. Ну да с нами Бог и его пророки, их верные слуги, стало быть, не пропаду.

А пока на вас первые надежды, так как все поголовно начальство находится в Москве, и до их приезда ничего в волнах не видно, а жить пока мне нужно, то, прошу вас, организуйте мне первую помощь в таком порядке

1) купите женский шерстяной костюм, такой как у мамы, сиреневый или серый мужской джемпер, мерять на Костин рост, дюжину маек и трусиков на мой рост, носков 3 дю (жины), рейтузы №6 дюжину.

Мобилизуйте все возможные средства, мобилизуйте Володьку Макарских и прочих, кого сумеете. Выслать почтой

за страховку по адресу: Казахстан, Уральск, Почиталинская улица, дом 52, Алексей Георгиевич Трякин.

Я послал на имя Макарских телеграмму.

PS. здесь жалованье всем не платят два месяца, банк пустой в силу конца бюджетного года.

Да, еще забыл, купите комплект струн для балалайки и мандолины и костяшек для игры на мандолине.

Ну, пока друзья, не падать духом, наша жизнь впереди, скоро напишу, в следующем более литературно обработаю, а пока еще не в своей тарелке.

Целую всех Вас

Привет Володке

Особо пусть выпьет пол-литра, только без...

Уральск, 30.1.1934

Здорово, мои друзья

Следом пишу второе за эти пять дней пребывания в тму-таракани. Я уже начинаю себя чувствовать, как у себя дома. По начальству еще не являлся, хотя заходил два раза, но не заставал – то рано, то поздно. А так как мне некуда спешить, тем более, что надо мной не каплет, и впереди три года, то вы поймете меня. Пока изучаю нравы людей, населяющих эту солончаковую землю. Их здесь три основных породы: казаки и казахи и инородцы.

Пока узнал, что чушка очень ругательное слово, хорошо, что наш чушка погиб, а ему было б прискорбно слышать

такую новость. Сегодня делал своей девице дачку, так как ее кровать занял собственной персоной и прошу предупредить Машу, дабы избежать ревности, что моей девице 6 год, правда, она очень кокетливая, а получив сегодня вечером дачку как дар от меня, совсем влюбилась.

Сегодня ходил в кино, смотрел первый взвод, картина из окопной жизни, довольно недурно поставлена. Насчет работы пока ничего не предпринимаю, пока подыскивают мне квартиру, что, оказывается, довольно трудно. Здесь же, у моих новых друзей, очень тесно им самим. Правда, пока не найдут, меня не выгонят, но я себя чувствую очень скверно. Главное, проклятая заминка с деньгами, о которой я вам писал. О багаже так ни слуху, ни духу, что будет, не знаю.

Но на это наплевать, будем живы, все будет.

Описание города и его достопримечательностей следует, когда приобрету письменные соответствующие принадлежности, теми же, которые сейчас в моем распоряжении, при моих способностях черта напишешь. Пока вкратце. Есть паршивый машиностроительный заводик, полудохлый консервный (нет сырья), а также полушубочно-валеночный. Зато довольно большой авторемонтный, и много машин обслуживают район, так как вокруг Уральска много зерносовхозов.

Но вообще все это чепуха, надо как-то прокрутиться до весны, холода здесь довольно большие 30—34, и бывают с ветерком и довольно неприятным, но не страшным. Обы-

ватели паникерствуют, что на весну будет голод, но мои друзья говорят, что, если и будет, то только март-апрель, а тогда перейдем на молочное питание, коров здесь много, и молоко и сыр и масло будут дешево. Им я верю, значит, будем жить, ну еще рыбку буду ловить. Нет оснований падать духом за будущее, только скверно пока сейчас, денег осталось 120 руб и, если только вам не удастся подкинуть телеграфом, то мне будет для начала очень скверно, но, конечно, не подохну, и как-нибудь проживу.

Пишите о себе подробно по указанному адресу: Почта-линская 52, Трякину Алексею Георгиевичу для Е.П.

Привет Володьке и прочим, только не сволочам.

Да, кстати, повторю мое требование на случай, если не получите первое письмо. Вышлите почтой 1 женский костюм, такой, как у Маши, светр на Костин рост, дюжину маек и трусов, по дюжине женские кальсоны №6 детские, костюмчик для девочек лет на 6, женские штаны или кальсоны черные, черт их знает, как их зовут, забыл, в общем, постарайся добыть и носков.

Нажмите все пружины и на Макарьских тоже.

Целую, пока, побольше бодрости и смеху.

Уральск, 3.2.1934

Итак, уже третье письмо. Спешу сообщить, что 2-го получил свой багаж, что меня немного обрадовало. Хотя я под впечатлением местных убеждений, что багаж, если и полу-

чится, то уж не ранее, как через два-три месяца, и, так как приводилось много примеров, то я и решил приобрести пару белья на рынке, так как нужно было для успокоения моих хозяев сходить в баню, так как здесь пошаливает сыпнячок, то это удовольствие обошлось мне в 25 руб, так как на рынке ни черта, за исключением тряпок, ничего нет, теперь жалею, да поздно. А вообще плевать, это мелочи.

Сегодня только гпу приняло меня под свое высокое покровительство, определив мне номер моего бытия 1150 и предварительно заполнив пять регистрационных карточек и одну анкету, а также установили мне явку два раза в месяц и в будущем, если я буду себя вести примерно, то сократят на один раз. Примерное мое поведение должно заключаться, во-первых, чтобы не разводить эсеровщины, во-вторых, не «якшаться» с сыльными; в первом случае обещал выполнять на все 100%, что же касается второго, то заявил, что буду видеть потом, а пока буду действовать согласно моим материальным интересам, но знакомых нашел только трех человек, и те жалкие молодые троцкисты. Один полтавец, знал его с 21 года еще комсомольцем, но никогда не подозревал, что он троцкист. Остальная публика москвичи и ленинградцы, все рабочие и учащиеся, жалко народ, на первый взгляд здоровый, энергичный и с порывами, но их всех отсюда почти всех отправляют на новые места, оказывается, на одном месте не дают засиживаться более года, ну да не беда. Мне оказывается всего подарили 2 года и 2 ме-

сяца, случайная милость, все же гнусность, они приклеили мне эсеровский ярлык, ну да черт с ними. Ну, пока все хожу да вынюхиваю, за что взяты. Возможно, что поеду в один из ближайших совхозов животноводства.

Между прочим, поговорите с Макарским, нельзя ли будет достать пару полтавок 9 дюйм и 12, конечно, за деньги, с иголками, и к ним 10 пряжек? Если это можно было бы устроить, то было бы не дурно для пробы, здесь спрос большой на майки и трусы летом, а производство отсутствует.

Думаю договориться с партизанами и помдетом на организацию трикотажного производства, вы себе представить не можете, до чего здесь бедность на работников, те же, что есть, пропитаны местничеством и национальным антагонизмом. В общем, Украина, но только дикая.

Я уже писал в предыдущих письмах, что здесь жизнь почти так же дорога, как и в Харькове, только что легче достать на вольном рынке. Точные цены на 3/02 баранина жирная 12 р кг, говядина 10 р, верблюжати́на и конина 8 р, говяжий жир 20 р кг, бараний 25—27, масло коровье топленое 35 р. Молоко 6 р $\frac{1}{4}$ ведра, рыба короп 8 руб кг, щука 7—7,50, судак 7 и 8 р. Хлеб 3 р хороший пшеничный, овощей почти нет, немного можно видеть картофеля и моркови.

Ну, пока я, как будто, ни в чем не нуждаюсь благодаря моим новым квартирохозяевам. Люди они хорошие, но только мне у них тяжело, во-первых, тесно, а во-вторых, хозяин, это мой харьковский двойник. Пьет, а когда пьян, то точно ко-

пирует меня, такие же истерики по ночам, слезы жены, что на пороге моей новой жизни очень скверно действует.

Хорошо, что хоть дома он не пьет, а на стороне. Нужно сказать, что пьянство здесь процветает гораздо больше, чем у нас, пьют все, и партийцы, и спецы, и их жены. Я с жутью думаю, что бы получилось у меня, если бы мне пришлось сюда попасть на работу по воле, но сейчас я спокоен, перелом произошел, и окромя отвращения, другого чувства нет. Ну пока, довольно, скоро обед и хозяйка просит освободить стол.

PS. Позаботьтесь как ни будь насчет денег, наверно, февраль продержусь, и хотя я стараюсь быть очень экономным, но деньги все-таки тают, и скоро совсем растают, а это будет для меня маленькая катастрофа.

Я уверен, что в дальнейшем, когда моя жизнь унормируется с квартирой и прочим, то и расходы примут приличный и точный характер, а пока с этой стороны дело обстоит очень скверно, и ни черта не поделаешь.

Ну, живите так, как и я, бодро, весело и прочее. Подразните Машу за меня, пусть она немного этак раз в неделю позлится и покричит, ей это будет на пользу, она так забудет скучать обо мне.

Привет всем, особый Володьке, передайте ему, что здесь водка лучше, не воняет керосином и дешевле.

Уральск, 11.2.1934

Ну, черти мои дорогие,

Время мне получить от вас хотя маленькую весточку, а получил только пятьдесят руб денег и попал в тупик. Что за деньги, если это в ответ на мою телеграмму, то почему не всю сумму просимого. Мне же она нужна до зареза из-за отсутствия денег. Я много потерял, а главное, что охватывает беспокойство, что, быть может, вам очень плохо. Маше нужно было написать, или телеграфно подтвердить.

Ну, да ладно, пока бедую и жестоко расплачиваюсь за доверчивость и самоуверенность, зато все же буду знать нравы и быт местного населения, хоть и дорого обошлось, но зато занятно. Оказывается, уральская «интеллигенция», конечно, не вся, но та, с которой я столкнулся, большая дрянь, и среди ссыльных, хотя и политических, много, оказывается, есть и жуликов, а, да еще и земляки. В общем, на первый раз я оказался порядочным дураком, когда войду в норму, тогда опишу подробно свои приключения по Уральску. Между прочим, все приключения связаны с квартирным вопросом, который меня мучит на сегодня тоже, хотя появляется надежда, что мои мытарства скоро кончатся.

Пока веду переговоры о предоставлении мне комнаты в кредит под вещественное обеспечение, кажется, чертова старуха согласится, один свойский человек обещает ее уломать.

Пока я приступаю работать на заводе, чтобы не подохнуть от скуки, голода и одиночества. Несмотря на удары, которые

начали меня преследовать с начала пути, я все же держусь бодро и самочувствие неплохое.

Ну, больше не могу писать, устал. Только что пришел с завода, и кишки играют марш. Завод от места моего пребывания 3 ½ километра, прошел туда и обратно под сильным ветром, здесь ветры и снег пятые сутки, несет и дует зверски.

Город производит впечатление вымершего города. Для курьеза по дороге на завод должен пройти от начала до конца главную улицу Советскую, она тянется около 1 ½ километра, здесь сосредоточены все советские учреждения, так я для курьеза считал встречных прохожих, было 2 часа дня, насчитал 3 верблюда и 29 человеческих существа. Вообще местный народ холода побаивается, но я переносу довольно сносно, не знаю, как будет дело с жарой.

Ну, пока, оставайтесь бодры и здоровы, пишите по новому адресу:

Западный Казахстан, Уральск, Пролетарская улица, дом 78, Е. П. Ганенко.

Уральск, 12.2.1934

Дорогие мои

Только что опустил одно письмо и, вернувшись с почты, застал дома повестку на сто пятьдесят руб, что заставило снова взяться за перо. Но, так как корешок перевода был адресован на имя Трякина, то не подумайте, что я еще не на собственной квартире и не пользуюсь собственным

именем. Мне просто принесли на мою квартиру, что меня сильно обрадовало, а, с другой стороны, опечалило, так как пятьдесят руб, ранее мне присланные, меня запутали во всякого рода предположениях, а именно, что вы сами сидите на бобах и, быть может, воете, конечно, втихомолку волками, тем более, что я до сих пор на три заказных письма не получил ответа, а так как мне здесь стало известно, что мои письма не подлежат перлюстрации, то тем более удивительно.

Ну да ладно, надеюсь, что вы все мои письма получили, и что я скоро получу от вас подробное письмо с описанием вашего сиротского житья-бытья и горемыкания, надеюсь, со всеми подробностями. Ну а пока немного о себе. Живу так себе, не плохо, но и не хорошо, комнатуха у меня теплая 4x5 моя половина, в другой половине 4x4 живет старушка хозяйка, никудышня по уральски, а по нашему бесцерковка или беспоповка Полно, как в моей, так и в ее комнате, икон и крестов старой иконописи, и изразцов.

И условия она со мной заключила драконовские, правда, устные, но которым я принужден подчиняться пока больше, чем советским законам. На основании этих законов я лишен права курить и пить водку в своей комнате. Условия антисоветские, так как явный подрыв госбюджета, но, увы, я должен был подчиниться в силу квартирного кризиса. Как то не хочется верить, что в такой дыре, откуда все здоровое старается удрать, может существовать жилищный кризис, но это факт, а это в силу того, что город разрушается.

В общем, я от лишений, добровольно взятых на себя, пока не страдаю. Курю я контрабандой, ну насчет водочки вы, конечно, не поверите, поэтому просто умолчу.

Итак, я с 15/2 приступаю к исполнению своих обязанностей на местном механическом единственном заводе, в качестве помощника мастера по холодной обработке. Оклад 350 руб, паек итр, как справлюсь со своими обязанностями, не знаю. Пока по предварительному ознакомлению все данные за то, что справлюсь. Отношение администрации хорошее, много в этом направлении сделали ребята из Гепеу. Завод небольшой, но хорошо оборудован новыми станками. Мне дали молодую бригаду, прибывшую почти одновременно со мной из Ленинграда, комсомольцев, мобилизованных на один год для усиления местной промышленности. Их 16 человек, возраст 19 лет, кончили ФЗУ на путиловском заводе в 1930 г. Бойкие ребята, но в работе слабо, ну не беда, как-нибудь в работе со временем выровняются.

Ну и все о себе, сейчас ложусь ужинать, пока столуюсь у Трякина.

Столовых хороших нет, а те, что есть, похожие на мерзкие кабаки, наполненные грязью, дрянной и грязной пищей, да на десерт пьяными. В пьянстве рекорд здесь побивают знаменитые чапаевцы, при этом первое впечатление такое, что как будто половины жителей Уральска все партизаны и чапаевцы. Рекомендую Володе ехать сюда, для него здесь широкое поле деятельности для вранья и питья, здесь все врут

о своих героических подвигах, и почти каждый уралец ранен был в грудь и голову беляками, при этом друг друга стараются уличить, что он был белый.

Ну, это скучная материя, надоела она мне в Харькове.

Ну, всего хорошего, живите, цветите до нашей встречи.

Привет всем.

У нас продолжается снежная буря, но тепло и с крыш капает.

Уральск, 16.2.1934

Дорогие мои

В последнем письме я писал, что приступаю работать на механическом заводе, но, так как климат здесь неустойчивый, то и ход событий в моих делах тоже подвергаются закону непостоянства. Я изменил первому решению и поступил в Госшвеймашину на оклад 250 вместо первого 350—400. Вас, быть может, удивляет, почему так? Очень просто, завод, как я уже писал, находится далеко от города, 1 ½ час ходу от квартиры, улицы немощеные, плюс пустыри, хулиганство и бандитизм. Вот когда это все я учел, что придется по роду своих обязанностей оставаться на пару часов после работы, я предпочел получать меньше, как ставку, так и паек, но здесь есть перспектива, так как мастерская при магазине на хозрасчете, которого почти нет, то есть имеется 2 тисков побитых, три ½ напильника, в общем, инструмент паршивого кустаря. Сейчас допишу письмо после первого

дня работы, и за этот день отремонтировал две швейных машины и одну пишущую машинку системы «Континентал», для начала, как будто, неплохо. Управляющий кугут, но кажется парень неплохой, кажется, мешать не будет. До весны надеюсь наладить инструмент, а с весны начнется работа на процентах, можно будет заработать до 400 руб, пока работа будет проходить с прохладцей, думаю договориться с шубной фабрикой на вечернюю работу по ремонту швейных машин. В общем, потихоньку начинаю входить в курс местной технической жизни. Думаю, что пойдет еще месяц с натяжкой, а потом все пойдет, как по маслу. Я начал вести переговоры с местной типографией, тоже, кажется, удастся закрепить за собой текущий ремонт, одним словом, буду начинать учиться халтурить и халтурить.

17/2.

Что же вы, черти, до сих пор молчите. Пишите подробно о своем житье-бытье, ничего не скрывайте. Как наша Машуля на положении соломенной вдовы? Хотя бы хоть теперь хорошо высыпалась, да только, наверное, вы, черти, на смену мне лишаете ее этого удовольствия, смотрите, ежели что да как, да она пожалуется! То вам достанется от меня, если кто летом попадет ко мне, хотя меня здесь так запугали перспективой летних прелестей Уральска, что, пожалуй, я буду противником вашего приезда, так —то.

Теперь о деле. Здесь ни черта нет из инструмента, поэтому прошу по мере возможности, достаньте маленькие свер-

ла от 2 мм до 7 ½, винтовальную доску, мелких напильников штук 10 и маленький штангель. Поговорите с Володькой, если он не сволочь, то пусть сходит до Самбурского и поговорит с ним, тот поможет. Достать нужно до зарезу, а также попросите Терентия¹, или сами зайдите к Сене инвалиду и спросите его совета и содействия добыть рычаги и два комплекта букв для пишущих машин.

За все можно уплатить, если можно достать, то поспешите, это очень важно, а так же добыть сотни две велосипедных спиц с гайками, здесь совсем нет, и на них можно здорово заработать. Одним словом проявите инициативу и активность, точка.

¹ Терентий – младший брат Е. П. Ганенко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.